

Алексей ЛЕВИНСОН, Ольга СТУЧЕВСКАЯ

Новые процессы в образовании как сигнал о новых процессах в обществе

Об исследовании. Предварительные замечания. В данной статье изложены результаты изучения обширной информации, собранной в ходе исследований по проблеме доступности высшего образования¹. В предыдущем номере журнала² читатели познакомились с наблюдениями и выводами участников проекта Л.Гудкова, Б.Дубина, Н.Леоновой. Богатый материал исследования, особенно групповые дискуссии, оставляет, на мой взгляд, возможность иных подходов и интерпретаций. Предлагаемые ниже соображения разработаны при активном участии О.Стучевской и Я.Щукина.

Темой проведенного исследования была доступность высшего образования. Ход исследования показал, что фокус актуальной проблематики высшего образования находится не здесь.

Проблема недоступности высшего образования как проблема неудовлетворенного спроса на услуги высшей школы в последние годы была решена оным институтом на вполне рыночных основаниях. Как и в нескольких других областях культуры (например, книгоиздание, видеопро-

дукция, кинематограф), спрос в общем и целом был удовлетворен, и наблюдатель обязан констатировать этот факт. Далее, однако, оказывается, что удовлетворения по поводу самого факта удовлетворения спроса у наблюдателя, хоть он и был в прежних дискуссиях сторонником "рынка", не возникает. Наблюдатель, он же социальный критик, как правило, занимает позицию "над" контрагентами этих рынков, не разделяя чувств удовлетворенности ни той, ни этой стороны. Наблюдатель критически оценивает и спрос — массовые вкусы и запросы читателей, зрителей, а в нашем случае и абитуриентов, и предложение — качество массовой литературы, видео- и кинопродукции, а в обсуждаемом случае — качество высшего образования, становящегося массовым. (При этом социолог образования в российской ситуации — это в еще большей степени, чем социолог чтения, "социолог самого себя".)

Как показывают и наше, и многие другие исследования, перспектива состоит в том, что высшее образование как повод для определенных статусных притязаний будет у "всех". Это может дать нынешнему образованному сословию повод беспокоиться о том, что оно рискует прекратить свое существование как выделенная из числа прочих особая группа со своими правами и привилегиями, а также обязанностями, функциями и пр.

Не удивительны в этом свете выявленные исследованием и дискуссиями вокруг него многочисленные мнения о том, что образование, которое становится всеобщим достоянием, "не то". Например, его называют образованием "для корочки", формальным и пр.

Аргументы могут быть вполне рациональными. Символическое благо при его тиражировании всегда подвергается инфляции. В данном случае исследователи, например, указывают на то, что при резком расширении числа студентов численность преподавателей не выросла в той же пропорции. Значит, новые более многочисленные студенты с неизбежностью выучены хуже прежних, менее многочисленных. Другие авторы отмечают, что среди получивших дипломы о высшем образовании теперь более высокая

¹ Исследование проводилось Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) при поддержке Фонда Форда. Полевые работы осуществлены в основном весной и летом 2003 г. Было проведено 18 групповых дискуссий с теми группами населения, для которых проблематика высшего образования наиболее актуальна: выпускники школ, их родители, молодежь с разным уровнем образования и дохода. Исследование проводилось в пяти регионах России: Юг (Таганрог), Северо-Запад (Новгород Великий), Центральная Россия (Воронеж), Поволжье (Нижний Новгород), мегалополис (Москва). В тексте курсивом выделены типичные дословные высказывания респондентов с указанием места проведения групповой дискуссии и состава участников.

В статье даются также ссылки на два опроса, проведенные в течение 2003 г. Опрос лиц 15 лет и старше по выборке в 2000 человек, репрезентирующей население России (далее в тексте упоминается как "опрос населения"). Тип выборки — маршрутная, с контролем квот по полу, возрасту и образованию. Опрос проводился на дому у респондента на основе методики личного интервью. Опрос лиц 15–35 лет по выборке 3000 человек (в тексте — "опрос молодежи"). Выборка репрезентативна для соответствующей части населения. Методы сбора информации те же, что в опросе населения в целом. Исследование проводил коллектив, включавший сотрудников из нескольких отделов организации, ныне носящей название "Аналитический Центр Юрия Левады".

² Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1.

доля учившихся заочно, т.е. получавших менее объемную и интенсивную подготовку, чем "нормальные" студенты.

Тонкость ситуации состоит в том, что одной из функций образованного сословия всегда было учить. В этом была одна из его (сословия) важнейших общественных функций, а также и одно из оснований для его (сословия) членов претендовать на более высокий статус среди других членов общества, особенно среди обучаемых ими. Сословие таким образом контролировало условия собственного воспроизводства — оно осуществляло как социализацию, конформирование своим внутригрупповым нормам, так и контроль претендентов на входе в корпорацию.

Поставленное в условия, когда оно не может отказать никому из претендентов на обучение и поэтому собственными руками разрушает свои границы, сословие пытается их восстановить, отказывая в праве на причисление к "образованным" принятым в вузы ими и обучаемым ими же "новым" молодым людям. Учащиеся объявляются плохо учащимися, совсем не учащимися. Полученные ими знания ничтожны.

Тот факт, что производимые проверки подтверждают "объективность" этих оценок, не отменяет их функции: дезавуировать выданные им (в силу необходимости) сертификаты о высшем образовании, отказать им в праве называться "действительно образованными людьми".

Высшее образование становится всеобщим во многих странах мира и неизбежно претерпевает разные изменения, в том числе инфляционного рода. Но в каждой стране есть своя специфика. В нашей она, в частности, связана с той особой ролью, которую, по его мнению, играло образованное сословие в истории страны, по крайней мере, в течение всего периода новейшей истории. Это фактор, обостряющий реакции, о чем свидетельствует тот факт, что ситуацию, поставившую под вопрос идентичность сословия интеллигенции, реагирующие не опознают как реализацию своих недавних прогнозов о ее конце, оставляют их ради того, чтобы мобилизовать свойственный всякой живой группе регулярный арсенал средств корпоративной защиты.

Мы, со своей стороны, хотели бы указать на то, что в лице нынешнего "всеобщего" высшего образования перед нами совсем новый феномен, имеющий так мало общего с высшим образованием, каким оно существовало в России на памяти последних нескольких поколений, что оценивать его по традиционным меркам бессмысленно. Вместе с тем образующаяся новая социальная ситуация вполне заслуживает внимания социальных исследователей, в том числе далеко не

только социологов образования, потому что на сцену постиндустриальной России в самые ближайшие годы выходит многочисленная группа. Наличие особого рода высшего образования будет одним из ее признаков, вполне особого же рода "интеллигентность" будет другим.

Эту группу можно в очередной раз счесть новым "средним классом", хотя такое определение скорее мешает, чем помогает, понять новизну этого явления для нашей жизни. Ниже мы попытаемся изложить некоторые характеристики этой группы, выявившиеся в ходе нашего исследования

Старые и новые "пирамиды". Речь пойдет о группе наемных работников. Одним из качеств, которое они намерены продавать на рынке труда, является, как говорилось, наличие высшего образования. За сколько его можно продать? В результате подсчетов можно в целом показать, каков (со слов респондентов) размер денежных "вознаграждений за образование" ("*returns to education*") в целом по всему народному хозяйству России. Приведем данные зависимости зарплаты (в долл. США) от уровня образования работника (рассчитано по результатам опросов ВЦИОМ-Аналитический Центр Юрия Левады. Данные усреднены за 1994–2001 гг.):

Уровень образования	Средняя заработная плата в месяц
Среднее	111
Техникум	113
Вуз	144

По данным исследования, две трети молодых людей (67% лиц 15–35 лет) представляют себе рынок труда таким образом, что там существует большое число рабочих мест для людей, окончивших вуз, и что на этих местах у работников могут быть хорошие заработки. В условиях, когда, по данным того же исследования, именно нехватка средств в понимании россиян — самая главная проблема их жизни, наличие такой перспективы и ее реальная, по мнению респондентов, достижимость производит очень сильное действие на общественные настроения.

На каких именно рабочих местах хотят и собираются трудиться молодые люди, получившие "современное" высшее образование? Только 6 из 23 по списку профессий и занятий были отмечены более чем 15% опрошенных как те, которые на сегодня молодыми респондентами считаются "наилучшими для молодого человека". Среди

Таблица 1
ПРЕСТИЖНЫЕ ПРОФЕССИИ И ЗАНЯТИЯ (опрос молодежи; в % от числа опрошенных в группе)

Профессия	Названы "наилучшими для молодого человека"	Названы "наилучшими для себя лично"	"Кем станете?" — ответы только школьников
Бизнесмен, предприниматель	40	10	6
Компьютерщик, программист	30	8	9
Юрист (адвокат, следователь, судья и пр.)	29	8	7
Экономист (бухгалтер, работник финансовой сферы)	24	11	8
Врач	21	6	5
Менеджер, администратор	16	5	4

Таблица 2
ПРОФЕССИЯ И СВЯЗЫВАЕМЫЙ С НЕЙ ДОХОД (опрос молодежи; в % от числа опрошенных)

Доход	Врач	Менеджер	Учитель	Юрист	Военный
Низкий	33	12	14	31	11
Средний	21	16	8	32	8
Высокий	16	17	7	30	5

тех, которые они считают "наилучшими для себя лично", выбор был еще уже. Еще меньше уверенности в ответах школьников старших классов о том, кем они станут лет через десять, "если все будет идти так, как сейчас" (табл. 1).

Все предпочитаемые занятия, как можно отметить, относятся к сфере *новой экономики* в России. Они появились как реальные места приложения труда около десяти лет назад и тут же стали предметом острого влечения со стороны молодых людей. Не только зарботки, которые были существенно выше, чем в традиционном госсекторе, но и многие качественные атрибуты этих профессий оказались очень привлекательны в молодежной среде. Сфера высшего образования достаточно оперативно отреагировала на возникший спрос. Многие вузы открыли подготовку по соответствующим направлениям.

Данные таблицы 2 показывают, что переход от старой парадигмы профессий и занятий (врач—учитель—рабочий—военный) к новой (бизнесмен—менеджер—юрист) совершает все общество.

Как утверждают участники групповых дискуссий, давно уже наступило перепроизводство по этим профессиям (экономист—юрист—менеджер). Точнее, говорится, что *хороших все равно мало, а так их пруд пруди*. Социологам образования известен эффект так называемых "пирамид Шубкина". Намерения, высказанные молодыми людьми накануне "вступления в жизнь", с одной стороны, и реальное распре-

ление по рабочим местам и профессиям — с другой, находятся в обратном соотношении, если относить их к иерархии престижа профессий. Однако студенты, которые были опрошены в ходе исследования, в большинстве случаев (42%) обучались по специальностям "экономисты, менеджеры, юристы" и в основном были уверены, что в местах, где они живут и учатся, будут рабочие места по соответствующим специальностям.

Прежняя экономика, система народного хозяйства, имевшая точкой отсчета интересы военно-промышленного комплекса (ВПК), как известно, разрушена. Это коснулось соответствующей системы рабочих мест, а тем самым и структуры спроса на кадры с высшим специальным образованием. Исчезла старая система, но создана новая. Таковая связана и с иной формой хозяйствования, и с иным производством. Им теперь является преимущественно производство услуг. К менеджериальному аппарату этой сферы предъявляется совершенно иной набор требований, нежели к организаторам производства в ВПК, а также сферах его поддерживавших и обслуживавших.

В том, что касается этого нового института, явления, которые были на протяжении предыдущего периода маргинальными, сделались осевыми. Мотивации и устремления, принадлежавшие к нормативным и наиболее одобряемым в классическом институте, сместились в рамках нового института высшего образования на позицию мар-

гинальных. Именно этим можно объяснить то, что ценность высшего образования как таковую, на чем построен новый институт, признают 60–80% молодых людей, а получение "настоящего" высшего образования, на чем основана суть классической высшей школы, делают главным приоритетом 6–8%.

Таким образом, за последнее десятилетие совершился переход от "советской" системы профессиональных (на деле социальных, статусных) идеалов к постсоветской. Эффект Шубкина надо теперь отыскивать уже по отношению к этой новой парадигме (юрист—экономист—бизнесмен). Как показало исследование, он и в самом деле наличествует. Мы приведем не статистику реального распределения выпускников вузов, а расхожие мнения о том месте, где действительно придется работать выпускнику. Речь в основном идет о сфере услуг, сервисах и т.п. Не в одном городе нам встретилась формула — *менеджер секции мягких игрушек*. Формула содержит в себе примечательную взрослую иронию, но не в адрес занятия, а в адрес детских надежд на то, чтобы стать "крутым" бизнесменом. Им на смену пришло занятие, которое могло бы быть и детской мечтой. Но далее в этой формуле имеется вполне серьезный и позитивный компонент: пост менеджера по нынешней шкале престижности профессий — достойная позиция в любом случае, означающая наличие ответственности и определенной власти, не говоря о зарботке.

Итак, новая шкала предпочитаемых профессий для выпускника вуза — сфера услуг.

Спрос на образованность. В годы, непосредственно предшествовавшие нашему исследованию, сфера услуг стала развиваться, опережая по темпам остальные сферы. Она открыла новый, теперь уже массовый рынок рабочих мест для людей с высшим образованием.

"Приходишь в фирмы — высшее образование, высшее образование... даже уборщицей в Сбербанке... Престиж фирмы, так положено" (Воронеж, с в/о, с низким доходом).

В ходе групповых дискуссий было дано развернутое объяснение практике работодателей во всех случаях ориентироваться на людей с высшим образованием. Действует комплекс многих факторов, рабочая сила проходит через *фильтр* — цивилизационный, этический: работник должен быть носителем новой трудовой этики (*в вузах учат порядочности*), "дисциплины", а также быть "социально предсказуемым".

"Другие манеры, манера общения: не перебивают, без мата, как на заводе... Работодатель хочет быть уверен, что девушка не наделает ошибок, что

грамотная, что разговаривает прилично..." (Н.Новгород, без в/о, с высоким доходом).

"Диплом для работодателей — показатель культуры: будет общаться с клиентом на другом уровне, вежливо, интеллигентно" (Воронеж, с в/о, с низким доходом).

Задействуется система мотиваций, нацеленных на карьерный/профессиональный рост (даже небольшие фирмы, где эти возможности невелики, копируют корпоративную культуру капитализма).

"Уверенность в человеке, если пять лет учился и закончил на отлично" (Н.Новгород, без в/о, с высоким доходом).

То видение интеллигенции, образованных людей, которое стало причиной их приглашения на рабочие места в сфере услуг, в известном смысле повторяет черты, которые эти люди и ценят в себе прежде всего. Недаром, слова "интеллектуальность", "интеллигентность", "порядочность" звучат в высказываниях респондентов на эту тему:

"Работодатели правильно делают — общий уровень, способности, интеллигентность, уровень интеллекта... в состоянии делать выводы, принимать решения" (Н.Новгород, с в/о, с низким доходом).

"С высшим больше знает, умеет учиться, интеллектуальное развитие... если смог получить, значит, он более способный, умный, эрудированный — там философия, этика..." (Воронеж, без в/о, с низким доходом).

"Способности обучаться больше, развиваться... интеллектуальность. Может быть, порядочности больше... Высшее образование плохого не дает..." (Воронеж, с в/о, с низким доходом).

Социологически выражаясь, это самописание интеллигенции, прочитанное, однако, глазами других социальных субъектов. В любом случае речь идет о таких чертах, как порядочность, мягкость, готовность встать на позицию партнера, уважение к писаному слову, знанию и т.п.

До сих пор мы были знакомы с двумя взглядами на образ интеллигента:

— снизу вверх как на обладателя этих душевных и интеллектуальных качеств, благодаря которым он может оказать помощь нуждающимся в ней;

— сверху вниз как на помеху, который ввиду этих его душевных и интеллектуальных качеств не может выполнить необходимую задачу.

В данном случае мы имеем дело с взглядом третьим, он ни сверху ни снизу, ни изнутри. Это взгляд со стороны. Взгляд, который названные качества образованного человека оценивает не

аффективно (с благодарностью или с презрением), а инструментально.

Названный комплекс качеств не годится для ведения дел в бизнесе, не годится для государственной службы в расширяющихся силовых ведомствах. Но он оказывается очень к месту в ситуациях предоставления услуг, работы с клиентом, потребителем.

Новые принципы офисной и сервисной культуры в части взаимоотношений с клиентом в наших условиях должны были отличаться от старых моделей обслуживания потребителей в той же мере, в какой стилевое решение интерьеров ("евроремонт") отличается от облика советских учреждений обслуживания. Названный комплекс, генетически несущий в себе, не забудем, дистанцирование образованного класса от советских работников сферы обслуживания, удовлетворяет этим требованиям качественного отличия от советских стандартов и в удовлетворительной же степени приближается к заимствованным на "Западе" международным стандартам обслуживания, офисной и бизнес-культуры.

Речь идет о мягком и внимательном отношении — теперь к клиенту, о готовности принимать его точку зрения (что он оценит). Немаловажно упомянутое уважение к письменным текстам, которое позволяет управлять таким работником с помощью писанных инструкций, ожидать от него следования писаным правилам и рекомендациям. Уважение к знанию предполагает готовность учиться, что важно в свете современных требований к фирме и персоналу — непрерывное обучение ради непрерывного развития бизнеса, адаптация к меняющимся условиям. С образованием связывается ожидание "порядочности". Партикулярностические принципы поведения, сохранявшиеся и транслировавшиеся в бытовой культуре советских людей, предполагали, что честным надо быть только со "своими". Известная практика тащить у барина, у государства, обсчитывать клиента с точки зрения такой культуры не есть проявление нечестности, не есть нарушение нравственных норм, но, напротив, проявление одобряемых качеств ловкости, заботы о "своих". Принятие всерьез заповеди "не укради" как универсальной и абсолютной, относящейся и к "чужим", характеризовало относительно небольшую часть отечественной публики. (Подчеркнем, что речь не идет о том, что "народ" не был честным, а интеллигенция была. Мы говорим о том, на кого та и другая субкультуры распространяли требование о соблюдении самих правил честности. Нарушение этих правил, т.е.

собственно нечестность, зависит от других факторов и здесь не обсуждается.)

Говоря о востребованности людей с высшим образованием в определенном сегменте экономики, мы не касались вопроса о полученных ими *знаниях*. За исключением случаев, когда дело касается специальных знаний, например, о некоторой товарной группе, конкретных изделиях, которыми торгует продавец, работодатель никаких специальных знаний от работника не требует. Сведения же о товаре работодатель предоставит работнику сам через посредство системы внутрифирменного обучения. Содержание и объем передаваемых знаний, контроль за их усвоением в этом случае полностью в руках работодателя или специализированного учебного подразделения его компании. От работника в этой ситуации требуются не знания, а способность их усвоить. Иначе говоря, от учебного процесса, в котором он участвовал в вузе, он должен сохранить не его содержательные результаты, а сам навык участия в учебном процессе, навык усвоения знаний. Из этого следует, что работодателю действительно необходим человек, учившийся в вузе, формально отвечающий всем требованиям, предъявляемым к нему. Диплом, помимо прочего, — показатель самодисциплины, качества, которое имеет большую ценность для работодателя. Сложившаяся практика приема на работу в указанном сегменте людей, имеющих диплом "какого угодно" вуза, отразилась на отношении будущих работников к выбору вуза и далее к восприятию преподаваемых там дисциплин, для получения знаний.

Из интервью с преподавателями известно о "демотивированности" современных студентов как беде очень многих вузов. О демотивированности учащихся средних школ как проблеме на протяжении более чем десятилетия, говорили педагоги-практики. Эта проблема зафиксирована и в наших исследованиях. Однако педагоги были склонны связывать ее с обязательностью среднего образования, из-за которой *в школе сидят и те, кому это совершенно не надо*. Высшее образование действительно превращается в своего рода социальную норму, но оно отнюдь не является обязательным в том смысле, в каком обязательно среднее. Более того, в значительном числе случаев вузы воздвигают барьеры/фильтры на пути абитуриентов. Их преодоление требует от поступающих в вузы и/или его семьи больших интеллектуальных, нервных или материальных затрат. Рост жалоб преподавателей на демотивированность студентов сопровождался жалобами родителей на воз-

росшую цену поступления в вузы. При этом, насколько позволяют судить собранные отрывочные данные, доля высокомотивированных студентов в так называемых "элитных" вузах несколько выше, чем в считающихся "слабыми", но доля немотивированных студентов и в дорогих заведениях достаточно велика. *Поступив за большие деньги, они все равно ничего не делают, им ничего не надо.*

Не претендуя на полное решение вопроса о причинах этого явления, укажем, что немалая доля этих причин связана с будущим неупотреблением полученных специальных знаний. В таких вузах или на таких занятиях складывается неблагоприятная социальная ситуация. Демотивированность студентов лишает мотива к работе и преподавателя. Студенты и преподаватели совместно отправляют некий ритуал, один из смыслов которого состоит в изображении видимости учебного процесса — перед собой, перед руководством учебного заведения и перед другими значимыми субъектами-партнерами. В очередной раз обратим внимание на то, что сложившаяся ситуация не совпадает с той, которая знакома с давних пор — с обучением только для "корочек". Гораздо более существенным, на наш взгляд, является не обман работодателя, производимый работником — обладателем диплома без обозначенных в этом дипломе знаний, а отсутствие у работодателя потребности в этих знаниях.

Групповые дискуссии подтверждают наш вывод о том, что получение *специальности* перестает быть основной целью вуза. Реальная практика и ожидания выпускников, как правило, не лежат в этой плоскости. Цель — максимальная адаптация, настрой на "непрерывное" обучение. Выпускники не видят смысла в серьезной специализации в вузе (считается, что достигнуть ее можно только на рабочем месте, в процессе работы):

"В вузе, главное, учат мыслить и брать информацию... человек в состоянии адаптироваться" (Н.Новгород, с в/о, с низким доходом).

"В вузе должны учить приспосабливаться, ставить задачи и находить способы их решения" (Воронеж, с в/о, с высоким доходом).

По данным опроса молодежи, значительная часть выпускников вузов (38%) получали дополнительную профессиональную подготовку (чаще всего по месту работы): по своей основной профессии — 18%, обучаясь другой профессии — 20%.

Ценности и мотивации. По данным опроса молодежи, абсолютное и подавляющее число молодых людей уверены, что высшее образование необходимо (89%). Наиболее высокие показатели дают выпускники вузов — специалисты с выс-

шим образованием (99%), однако доля таких ответов нигде не опускается ниже 80%, в том числе у квалифицированных (84) и неквалифицированных (82) рабочих, у работников в сфере услуг (85%).

Установку на высшее (а не какое-либо иное) образование и его связь с "хорошей" работой наглядно иллюстрируют данные опроса молодежи. Так, возможность хорошо устроиться работать в данном городе со средним образованием видят только 17%, со средним специальным — уже 45, а с высшим — 67%. Эту точку зрения особенно поддерживают предприниматели/менеджеры (77%), специалисты с высшим образованием (80), люди с высоким доходом (77%), т.е. "реализовавшиеся".

На вопрос о том, какое образование дает ныне наилучшие возможности в жизни, молодыми людьми чаще всего (39%) давался ответ — "вуз". Еще больше в сумме составили ответы "два вуза" и "вуз за рубежом". Практически ориентированный вопрос о том, какое образование находят достаточным *для себя лично*, показывает еще более высокую ориентированность на высшее образование. В приложении к своей судьбе более трети жителей страны и почти половина молодых людей "ставят планку" на уровне диплома о высшем образовании. Менее высокие и более высокие уровни образования устраивают меньшинство. На сегодняшний день твердо установилась ориентация всего населения страны и прежде всего его молодой части на высшее образование как наиболее желательный уровень образованности. Всеобщее высшее образование представляется как перспектива российского общества.

"Через 20 лет у 100% будет высшее образование..." (Новгород, поступающие).

В ответах на вопрос: "Что прежде всего гарантирует молодому человеку успех в жизни?" — молодые люди с высшим образованием отдавали приоритет достижениям установкам: "умению работать и учиться" (46%), "предприимчивости" (45), "высшему образованию" как собственному ресурсу (31%). Достижительские установки, как и можно было предположить, наиболее ярко и в классической форме проявились у молодежи с высоким доходом и высшим образованием. Помимо стандартных компонентов "хорошей жизни", таких, как "деньги", "любимая работа", "здоровье", в ходе групповых дискуссий прозвучало в том числе: "свобода" и связанная с ней "возможность выбирать"; "интересная жизнь", "постоянное наличие цели".

"У человека с высшим больше свободы" (Н.Новгород, с в/о, с высоким доходом).

"От чего будет зависеть жизнь? От себя самого... Все от человека зависит, от его выбора..." (Воронеж, без в/о, с низким доходом).

"Живут плохо те, кого это устраивает. Все зависит от человека" (Воронеж, без в/о, с низким доходом).

"Неправильно, чтоб у всех были равные права — будет анархия и хаос, инкубатор какой-то" (Н.Новгород, с в/о, с высоким доходом).

Исследование подтверждает, что в недавние годы состоялось распространение ориентации на получение высшего образования среди практически всех основных слоев и групп российского общества. В качестве номинальной нормы она проникла и в те слои, которые раньше не рассматривали для своих детей поступление в вуз в качестве реальной перспективы (жители села или малых городов, дети из многодетных семей, дети бедных и низкоквалифицированных работников и т.п.). Для этих категорий, как показывает исследование, и сейчас такая перспектива менее привлекательна и реальна, чем для более зажиточных слоев. Но они теперь поставлены в условия, когда должны эту перспективу обсуждать и находить уважительную причину или чью-либо вину для объяснения того, почему она не реализуется. В этом смысле можно говорить об одновременном расширении доступности поступления в вузы и расширении круга лиц, заявляющих о недоступности этого блага.

Проведение групповых дискуссий с людьми, которые не имеют высшего образования и не собираются его получать в ближайшие годы, показало, что и этот контингент (включая людей, добившихся хорошего материального положения) считает для себя необходимым пояснить, почему они не имеют высшего образования. При этом в отношении самих себя они чаще всего указывали на частные обстоятельства технического или биографического характера. В отношении же "вообще людей", не получающих высшего образования, чаще всего приводили морально-психологические объяснения: *ленился, не хотят себя утруждать*. Отметим, что материальные причины (не хватает средств) назывались в ходе групповых дискуссий достаточно редко. У тех, кто не планирует получать высшее образование (устоявшийся быт, дети), наблюдается перенос этой нормы на детей.

"В 16 лет — это задача родителей дать образование... родители не направили, не осознали в то время.... Если бы вернулся в то (школьное) время, обязательно пошел бы в институт" (Воронеж, без в/о, с высоким доходом).

Высшее образование дает такое важное благо, как "среда".

"Не столько образования, сколько круг общения, быть на должном уровне..." (Москва, родители подростков).

"Высшее образование нужно, чтобы на высшем уровне общаться с людьми. Образованные люди лучше друг друга понимают" (Новгород, поступавшие школьники).

Непринадлежность к "среде", по сути, равнозначна выпадению из социума. Неполучение высшего образования (особенно если нет серьезного среднего специального) чревато социальными пороками: люди *опускаются, перестают работать вообще, спиваются* и т.п., т.е. воспринимаются обществом так, как раньше воспринимались те, кто не заканчивал школу. Поднялась планка новой нормы, а те, кто так или иначе не дотягивается до нее, — *изгои*.

"Кто не учится... ерундой занимается, его все гоняют" (Новгород, не поступавшие).

"Работают грузчиками, опускаются. Бомжи. Изгои" (Новгород, родители поступавших).

Иными словами, если не само обучение, то хотя бы попытка его получения, сама ориентация на его получение приобретает характер обязательности, непремственности.

"Таких нет, которые не поступают" (Новгород, родители поступавших).

Второе образование. Исследование подтвердило растущую роль второго высшего образования. Каждым десятым молодым человеком оно признано как средство, дающее наилучшие возможности в жизни. Среди студентов, получивших первое образование, четверть говорили о необходимости второго. Среди людей, уже имеющих высшее образование, мнение, что два высших дают человеку максимум возможностей в жизни, высказывают почти треть, практически столько же, сколько считают достаточным одно высшее.

Высоко распространены установки на два образования в семьях специалистов.

"Умный человек получает и первое, и второе, и третье образование..." (Москва, родители подростков).

Среди предпринимателей и специалистов таких почти треть. Примерно так же считают в среде предпринимателей и менеджеров. От этих авторитетных групп в обществе распространяется соответствующая новая норма, она принята как идеальная — 20% всей молодежи и как практическая — 10% молодежи. Общим для всех случаев можно считать следующее осмысление второго высшего образования: оно повышает адаптивные возможности субъекта, перспективы его профессионального и карьер-

ного роста. Но при такой значительной массе молодых людей, заявляющих о его привлекательности, резонно предположить, что назначение и осмысление его в разных социальных группах неодинаковое, что оно используется как средство в каждой социальной ситуации.

Задумываться о втором высшем образовании начинают довольно часто еще до получения первого. Так, о нем спонтанно упоминали не поступившие в вуз школьники, те, для которых и первая планка осталась пока недоступной. В глазах родителей недавних абитуриентов привлекательность первого высшего образования состоит, в частности, и в том, что оно дает возможность получить второе.

"С высшим образованием можно переучиться... Дети понимают, что нужно иметь высшее образование, а специализацию они потом получают... Второе — платное, сознательно..." (Новгород, родители поступавших).

В итоге 24% тех, кто еще учится в школе (и 16% учащихся ПТУ), сходятся в том, что именно два вуза дают человеку наилучшие возможности в жизни. Половина из них принимают это как норму для себя лично. Вообще, среди молодых людей максимум признания этой нормы на момент исследования приходился на возраст 19–20 лет, т.е. тогда же, когда выше всего установка на получение одного ("первого") высшего образования. В это время об одном вузе как достаточном для себя думали 49% юношей и о втором — 13%. Среди девушек на один вуз ориентировались 57%, на два — 16%.

"Первое дает базу, второе — направление... второе жизненно необходимое, не для галочки... Мое образование техническое и отличается от того, что я делаю, хотелось бы сделать его помощней... Работаю на международных перевозках, не хватает экономических, юридических знаний..." (Н.Новгород, с в/о, с высоким доходом).

Притом, что большинство (80%) учащихся вузов "вполне удовлетворены объемом и качеством знаний", 43% хотели бы получить второе высшее образование, а 7% уже получают его, учась параллельно. Основной мотив — "у меня будет больше возможностей устроиться на хорошую работу" (68%). Второй по наполнению ответ — "сейчас стало престижным иметь два высших образования" (35%). Третий ответ — "опасаюсь, что не смогу найти работу по первой специальности" (20%). Половина окончивших вуз (51%) хотели бы получить второе высшее образование. Здесь также основная причина — "хочу расширить возможности трудоустройства (71%)".

В целом перемена профессии не воспринимается обществом как драма; интересно, что опре-

деленную привлекательность в этом находят даже те, кому в свое время пришлось вынужденным образом переменить свою жизнь.

"Саму сократили в свое время, пришлось получить второе образование... Через десять лет большинство будет иметь два образования: для карьерного роста, для подработки, а кто-то хочет просто изменить свою жизнь!" (Таганрог, родители не поступавших).

"Второе образование", как можно видеть, во многом принимает на себя те самые функции, которые сейчас несет (в идеале, в норме, в случае "хорошего" студента и "хорошего" вуза) "настоящее" высшее образование. Такое образование без натяжки можно называть специальным и профессиональным. У него нет перспектив стать всеобщим, хотя, несомненно, всеобщим будет связанное с ним уважение. Уже сейчас можно предполагать, что обладатели такого образования найдут символические средства отличить себя от имеющих одно лишь всеобщее неспециальное образование, о котором мы в основном рассказывали в этой статье.

Хотя исследование позволяет говорить именно о такой перспективе, надо оговориться, что для определенного круга специалистов сохранится в неизменности право на соответствующее социальное и материальное признание на базе единственного образования. Здесь имеется в виду то, которое получают в вузах, именуемых сегодня элитными.

Проблематика элитного образования, как и только что описанного второго как специального, очень сильно отличается от проблематики рассматривавшегося в этой статье образования первого — всеобщего. Главное отличие, на которое мы хотели бы указать сейчас, состоит в следующем. И элитное, и второе образование не производят того, что произведет это первое. А оно произведет новый социальный тип, который образует, как говорилось, новую социальную группу в российском обществе.

Заключение. Вернемся от общесоциологических выводов к собственно образовательной проблематике. Сумма приведенных свидетельств и суждений позволяет прийти к выводу, что в российском обществе сложился рынок труда и сегмент социальных ролей, который предъявил спрос на новый тип работника или претендента на эти роли. Сумма требований к такой личности задает вполне определенный социальный тип работника. Его производство сегодня осуществляет система высшего образования в массовом масштабе. Более того, исследование позволяет говорить о том, что

эта система в значительной части специализировалась на производстве подобного социального персонажа. Таково заключение, к которому приводит осуществленное нами исследование.

Но если это так, то на этом же основании можно сделать вывод, что нынешняя отрасль высшего образования в значительной мере работает вхолостую. Учебные программы подразумевают выпуск специалистов для определенных отраслей народного хозяйства. Реально эти вузы готовят работников для другой и отрасли, и сферы. Образование, которое эти люди в действительности получают, не является специальным. Напротив, его явное преимущество — универсальность. Более того, по своей сути, это образование не является, как обычно теперь понимается слово "образование", суммой полученных знаний. В гораздо большей степени — это сумма социальных компетенций, цивилизационных навыков, прежде записанных в России за группой/субкультурой интеллигенции или образованного сословия.

По результатам проведенного исследования можно судить о необходимости дальнейшего изучения сложившейся ситуации, когда обществом предъявлен *повышенный* спрос на образовательные услуги *пониженного* уровня, если смотреть на ситуацию с традиционной точки зрения. Мы попытались предложить новый взгляд, утверждая, что спрос предъявлен не на те знания, которые предлагаются вузами в форме курсов, дисциплин и предметов, а на те навыки и культурные стандарты, которые дает сам процесс обучения и пребывания в атмосфере вуза. Если будет выяснено, что эта тенденция имеет шансы устойчиво воспроизводиться (а не исчезнет под влиянием каких-либо экономических или демографических причин), следует изучить варианты создания нового типа учебного заведения. (Мировой опыт мог бы быть очень полезен.) В нем готовили бы массовые кадры для нового сектора экономики с учетом специфики его требований.

Новый тип учебного заведения должен был бы взять на себя важную в социальном отношении функцию социализационно-цивилизационного характера. Обучение в нем не должно быть ориентировано на получение знаний в обычном

формате дисциплин/предметов российской современной средней и высшей школы. Предстоит разработать набор программ для подготовки работника универсального характера, способного далее быстро и эффективно освоить сумму специальных знаний в выбранной им отрасли или сфере деятельности. (Специальные знания могут приобретаться в ходе так называемого внутрифирменного обучения или в процессе получения "второго высшего образования".) Когда будет проведена разработка соответствующих программ и их методического обеспечения, желательно создать условия, чтобы эти программы были опробованы в специально открытых для этого новых учебных заведениях. Если нововведение будет иметь успех, соответствующее ноу-хау можно продавать нынешним вузам, реализующим — каждый как может — эту функцию в рамках старых учебных планов и программ.

Напрашивается квалификация описанного типа образования как школьного. По многим чертам сложившаяся система больше напоминает среднюю, нежели высшую школу. Так и хочется назвать ее "школой четвертой ступени". Однако исследование показало, что работодатель не доверяет школе как институту социализации. Работодатель нуждается в таком качестве работника, как ответственность. Школа, по их понятиям, не может в нужной степени воспитать в своем выпускнике такое качество.

Переходя в план социальных проектов, можно предложить подумать об обсуждавшемся выше типе нового учебного заведения как промежуточного (и в методическом, и в ведомственном отношении) образовательного учреждения между школой и вузом. Есть ряд свидетельств, доставленных, в том числе и исследованиями в рамках данного проекта, которые свидетельствуют о том, что выросшая за последние годы пропасть между средней и высшей школами нуждается в заполнении новыми институтами образования.

Материалов исследования недостаточно для окончательного принятия решения о необходимости таких мер, но их достаточно, чтобы поставить вопрос об изучении дальнейшей динамики институциональных аспектов доступности высшего образования в России.